



АЛЬФРЕД МЕЙСОН
УБИЙСТВО
В РОЗОВОМ
ПАВИЛЬОНЕ

ALFRED EDWARD WOODLEY MASON

Золотая библиотека детектива

Альфред Мейсон

Убийство в Розовом павильоне

«СОЮЗ»

Мейсон А.

Убийство в Розовом павильоне / А. Мейсон — «СОЮЗ»,
— (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-5-60-554526-2

Во французском Экс-ле-Бэн во время спиритического сеанса убита богатая вдова — мадам Доврей. Ее компаньонка Целия Гарланд бесследно исчезла, что превратило ее в главную подозреваемую. По счастливой случайности в то же самое время в Экс-ле-Бэн проводит свой отпуск, обладающий острым умом и выдающимися дедуктивными способностями — инспектор Гано. Он соглашается помочь в расследовании преступления, следы которого ведут от «Розового павильона» по горным дорогам Савойи до самой Женевы. Не пропустите один из самых захватывающих и интригующих из когда-либо написанных детективов, вдохновившего Агату Кристи на создание Эркюля Пуаро.

ISBN 978-5-60-554526-2

© Мейсон А.

© СОЮЗ

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Альфред Мейсон

Убийство в «Розовом павильоне»

Alfred Edward Woodley Mason
The Murder at the Villa Rose

© ИП Воробьев В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Глава 1

С наступлением второй половины августа Рикардо всегда отправлялся в Экс-ле-Бэн, в Савойю, где в продолжение пяти или шести недель жил в полное свое удовольствие. По утрам он пил минеральную воду, после полудня катался на машине, вечером обедал в клубе, а затем час или два проводил в «Павильоне цветов», где играли в баккара. Ему нравились и красивый маленький городок, и нарядная веселая толпа, и как бы подернутая розовым флером жизнь всей этой местности.

Зайдя однажды вечером в «Павильон цветов», Рикардо не выдержал душевной атмосферы игорного зала и поспешил выйти в небольшой полукруглый сад, примыкавший к павильону с задней его стороны. Полчаса просидел он там, любуясь звездным небом, наблюдая за двигающейся под фонарями толпой и глазом знатока оценивая стоимость женских костюмов и драгоценностей, как вдруг какая-то молодая девушка в легком платье из белой атласной материи выбежала из комнат и с видимым нервным возбуждением бросилась на скамейку. По мнению Рикардо, ей не могло быть более двадцати лет, это видно было по ее гибкой, стройной фигуре и свежему, хорошенькому личику, которое мелькнуло перед ним, когда она выбежала в сад.

На девушке была большая черная атласная шляпа с белыми страусовыми перьями, которые спускались назад, и широкими полями, бросавшими тень на ее лицо. Он видел теперь только бриллиантовые серьги, которые дрожали и сверкали всякий раз, когда она двигала головой, а двигала она ею постоянно. Она то сидела, печально уставившись в землю, то откидывалась назад, то нервно поворачивалась направо, а минуту спустя налево, то наконец устремляла вперед неподвижный взор, с видом капризного ребенка раскачивая взад и вперед своей белой атласной туфелькой. Все движения ее были крайне порывисты, как будто у нее начинался приступ истерии. Рикардо боялся, что она разразится слезами, но она вдруг вскочила с места и с той же поспешностью, с какою вышла, бросилась обратно в комнаты.

Находившаяся поблизости дама насмешливо фыркнула, а какой-то мужчина сказал с сожалением:

– Она очень мила, эта девушка... Жаль, что она проигралась.

Несколько минут спустя Рикардо докурил свою сигару и, вернувшись в комнаты, пробрался к большому столу по правую сторону от входа, где шла самая азартная игра. Густая толпа теснилась вокруг стола, и Рикардо вынужден был стать на цыпочки, чтобы видеть лица играющих; только через несколько минут Рикардо проник в передний ряд зрителей и стал сзади игроков, сидевших на стульях. Овальный зеленый стол был весь покрыт банковыми билетами. Рикардо взглянул налево, где у самой середины стола сидел банкомет. К великому своему удивлению, он узнал в нем молодого англичанина, Гарри Везермилля, который после блистательной карьеры в Оксфорде и Мюнхене сумел так воспользоваться своими научными познаниями, что в двадцать восемь лет успел уже составить себе состояние.

Он сидел у стола спокойно, и чисто выбритое лицо его ничего не выражало, кроме равнодушия заядлого игрока. А между тем было ясно, что фортуна сегодня стоит у него за спиной, так как крупье, сидевший напротив него, с необыкновенной быстротой собирал кипы банковых билетов и складывал их в пачки. Выигрыш был громадный. В ту минуту, когда Рикардо взглянул на Везермилля, последний открыл карту, и крупье тотчас же забрал битые ставки с обеих сторон.

– Начинайте игру, господа. Игра сделана, – крикнул крупье и снова повторил те же слова.

Везермилль ждал, положив руку на деревянную рамку, где находились карты, и смотрел, как сидевшие вокруг стола делали против него свои ставки. Вдруг равнодушное выражение лица его сменилось живейшим интересом, между плечами двух сидевших напротив него мужчин пролезла маленькая ручка в белой перчатке, державшая банковый билет в пять луидоров.

Везермилль наклонился вперед и, улыбнувшись, покачал головой в знак того, что отказывается от ставки. Но было уже поздно. Пальцы разжались, и билет упал на сукно стола.

Везермилль откинулся на спинку стула.

– Я кончил, место свободно, – сказал он спокойно.

Все тотчас же взяли свои ставки обратно.

Крупье занялся подсчетом выигранных Везермиллем денег, а Рикардо, желая узнать, кому принадлежала ручка в белой перчатке, прервавшая так внезапно игру, наклонился вперед и взглянул в ту сторону. Он узнал молодую девушку в белом шелковом платье и большой черной шляпе, которая несколько минут назад так нервничала в саду. Теперь он мог хорошо рассмотреть ее. Она была среднего роста, с нежным цветом кожи и свежим румянцем на щеках, которым была обязана только своей молодости. У нее были светло-каштанового цвета волосы с легким блеском, открытое лицо и темные, удивительно ясные глаза. Но кроме красоты в ней было еще нечто другое, привлекавшее его внимание. Он был убежден в том, что где-то уже видел ее. Рикардо тщетно напрягал свою память, чтобы припомнить, где это было, когда крупье, кончивший подсчет, громко крикнул:

– Здесь две тысячи луидоров... Кто желает держать банк против двух тысяч луидоров?

Желающих не было, тогда был предложен новый банк для продажи, и Везермилль, сдававший теперь карты, купил его. Но тут же он сказал несколько слов служителю, который, пробираясь сквозь толпу, обошел вокруг стола и передал его послание девушке в черной шляпе. Она взглянула на Везермилля и улынулась.

Улыбка придавала ее лицу выражение необыкновенной нежности.

Вслед за этим она скрылась, а спустя несколько минут Рикардо увидел ее позади стула Везермилля. Последний тотчас же обернулся и взял ее руку с выражением легкого упрека.

– Я не могу допустить, чтобы вы играли против меня, Целия, – сказал он по-английски, – мне слишком везет сегодня. – Вы будете теперь моим партнером. Я положу ваши деньги в общий капитал, а выигрыш мы разделим пополам.

Лицо девушки вспыхнуло ярким румянцем. Он продолжал держать ее за руку, а она не делала усилий, чтобы отнять ее.

– Я не могу согласиться на это! – воскликнула она.

– Почему? – спросил он. – Смотрите! – Разжав ее пальцы, вынул банковый билет и бросил его крупье, чтобы прибавить к общему капиталу. – Вы ничем теперь не можете помочь себе... мы с вами партнеры.

Девушка засмеялась. Сидевшие за столом улынулись; частью из сочувствия, частью от удивления. Ей подали стул, и она села рядом с Везермиллем; губы ее раскрылись, лицо засияло радостным волнением. Но тут счастье Везермилля сразу покинуло его. Он три раза возобновлял банк и потерял большую часть своего выигрыша. Он заложил четвертый банк и встал, проиграв все до последнего билета.

– Довольно, Целия, – сказал он. – Выйдем в сад, там гораздо прохладнее.

– Я унесла ваше счастье, – ответила девушка с сожалением.

Везермилль взял ее под руку.

– Счастье не может покинуть меня, пока вы со мной, – сказал он, и они пошли дальше, так что Рикардо не мог слышать продолжение их разговора.

Оставшись один, он стал думать о Целии, она несомненно принадлежала к богеме. Это было ясно и вполне подтверждалось ее неумением скрыть ни своего неподдельного чувства радости, ни волнения, ни огорчения. И все-таки Рикардо не мог определить, к какому собственному разряду богемы ее надо причислить.

Он еще больше удивился, когда полчаса спустя вновь увидел ее у входа в «Павильон цветов». Она и Гарри Везермилль шли медленно, разговаривая между собой, и до того были заняты друг другом, что ничего не замечали вокруг. У лестницы они встретили полную жен-

щину лет пятидесяти пяти, пышно одетую, украшенную драгоценными камнями и нарумяненную; она еще издали с добродушным юмором наблюдала за их приближением. Когда же они подошли настолько, что могли слышать ее, она спросила по-французски:

– Вы готовы ехать домой, Целия?

Девушка вздрогнула и взглянула на нее.

– Я к вашим услугам, – сказала она с оттенком подчиненности, удивившим Рикардо. – Надеюсь, я не задержала вас?

Она поспешила в комнату, где висела верхняя одежда, и тотчас же вернулась обратно.

– До свиданья, Гарри! – сказала она, делая ударение на его имени и глядя на него ласково улыбающимися глазами.

– Мы увидимся завтра вечером, – отозвался он, не выпуская ее руки.

Она по-прежнему не отнимала ее, но лицо ее стало вдруг серьезным, и облачко неудовольствия пробежало по нему. Она обернулась к пожилой даме и спросила:

– Нет, я думаю, что мы не будем здесь завтра или, быть может, останемся?

– Разумеется, нет! – последовал резкий ответ. – Разве вы забыли наши планы? Нет, мы не будем здесь завтра... через день, пожалуй, да.

– Да, у нас другие планы на завтра, – подтвердила Целия, обращаясь к Везермиллю, и в голосе ее прозвучала нотка сожаления.

Видя, что пожилая дама дошла уже до самых дверей, она робко склонилась к своему спутнику и сказала ему:

– Послезавтра я надеюсь увидеть вас.

Она вырвала у него свою руку и побежала вниз по ступенькам лестницы.

Гарри Везермилль вернулся обратно в комнату. Рикардо не последовал за ним. Он был слишком занят неожиданной проблемой, с которой столкнулся в этот вечер. «Что может, – спрашивал он себя, – эта девушка иметь общего с этой нарумяненной женщиной?» К тому же в голосе ее было ощутимо нечто большее, чем почтительность, в нем слышалась привязанность.

«Почему ни Целия, ни пожилая дама не могут прийти завтра в «Павильон цветов»? Какие у них планы? И что в этих планах так расстраивает Целию?»

Несколько дней спустя Рикардо уже не без причины повторял себе эти вопросы.

Глава 2

Рикардо наблюдал за Гарри Везермиллем и Целией в понедельник, а во вторник Везермилль был в игорном доме один, и Рикардо разговорился с ним.

В этот вечер Везермилль совсем не играл, и они вышли вместе из «Павильона цветов».

– Вам куда? – спросил Везермилль.

– На гору, в «Гранд-отель», – ответил Рикардо.

– Нам с вами по дороге, я тоже остановился там, – сказал Везермилль, и молодые люди отправились дальше по крутым гористым улицам. Рикардо умирал от желания задать своему спутнику несколько вопросов о его молодой приятельнице, но хорошее воспитание заставляло его молчать.

На следующее утро он и без этого узнал кое-что о ней. В ту минуту, когда он стоял перед зеркалом и завязывал галстук, в комнату ворвался Везермилль. Он задыхался и дрожал от волнения.

– Я не могу ждать! – кричал он. – Я хочу видеть ее. Вы должны помочь мне, Рикардо, должны.

Рикардо быстро повернулся к нему.

– Что случилось? – спросил он.

– Нечто ужасное! – воскликнул Везермилль, дрожащими руками передавая ему газету. – Читайте!

Это была местная ежедневная газета «Савойский дневник».

– Все кричат об этом на улицах, – продолжал Везермилль. – Читайте!

На первой странице газеты сразу бросалась в глаза напечатанная жирным шрифтом статья:

«Вчера ночью совершено ужасное убийство в «Розовом павильоне». Госпожа Камилла Доврей, хорошо всем известная в Эксле-Бэне и несколько лет подряд проводившая лето на этой вилле, найдена задушенной, на полу своей гостиной. Прислугу ее, Елену Вокье, нашли на верхнем этаже на постели, одурманенную хлороформом. Она до сих пор еще не пришла в сознание, поэтому доктор Эмиль Пейтен находится при ней, и надо надеяться, что он будет в состоянии пролить хоть некоторый свет на это ужасное дело.

Преступление было открыто в двенадцать часов ночи жандармом Перрише, способности и ум которого заслуживают наивысшей похвалы. Отсутствие всяких следов взлома на дверях и окнах указывает на то, что убийца проник в «Павильон» не извне. Кроме того, исчезли автомобиль госпожи Доврей и молодая англичанка, которая находилась при убитой в качестве компаньонки. Повод к преступлению очевиден. Госпожа Доврей, женщина очень богатая, имела много драгоценных камней, которые она, по неосторожности, не боялась показывать. Все в доме указывает на то, что их тщательно искали и, по-видимому, не нашли. Сообщают, кроме того, что приметы молодой англичанки с объявлением о вознаграждении за ее поимку будут вывешены немедленно всюду.

Чем дальше читал Рикардо, тем в больший ужас приходил. Дочитав до конца, он бросил газету на туалетный столик.

– Это гнусно! – воскликнул Везермилль.

– Молодая англичанка – мисс Целия, вероятно? – спросил Рикардо. – Я видел ее вместе с вами.

– Вы видели нас вместе? – спросил Везермилль. – Вы можете, следовательно, понять, насколько гнусно такое предположение.

Но Рикардо видел молодую девушку за полчаса до того, как видел их вместе. Он не мог забыть, как она в истерическом приступе бросилась на скамейку в саду, капризно постукивая

атласной туфелькой по земле. Она была молода, красива, свежа, но образ ее, вопреки собственному его желанию, принял вдруг зловещий оттенок.

– А госпожа Доврей? – спросил он. – Это та полная женщина, с которой ушла ваша приятельница?

– Да, – ответил Везермилль.

– Чего же, собственно, вы ждете от меня? – спросил Рикардо.

– Гано сейчас в Экс-ле-Боне. Это лучший из французских сыщиков. Вы знакомы с ним.

Он как-то раз обедал у вас.

Рикардо всегда питал необыкновенное пристрастие ко всем знаменитостям и любил приглашать их к себе на обед. На одном из таких обедов присутствовали вместе Гано и Везермилль.

– Вы желаете, чтобы я побывал у него?

– Хотя бы один раз.

– Весьма щекотливое поручение, – сказал Рикардо. – Человек, которому поручено это дело об убийстве, а мы вдруг к нему...

Но Везермилль прервал его.

– Нет, нет, – воскликнул он, – не он будет вести это дело. Он сейчас в отпуске. Я как раз и хочу просить Гано взяться за него.

Такая уверенность Везермилля смутила Рикардо только на минуту, ибо виденное слишком четко врезалось в его память.

– Вы хотите пустить по следам этой девушки проницательнейшего из всех французских сыщиков? В своем ли вы уме, Везермилль?

Как безумный, вскочил Везермилль с места.

– И вы считаете ее виновной! Вы! Ведь вы же видели ее. Вы считаете ее виновной... подобно этим отвратительным газетам, подобно полиции?

– Полиции? – резко переспросил Рикардо.

– Да, – ответил Везермилль. – Как только я прочел известие об убийстве, я сейчас же отправился на виллу. Полиция уже завладела ею. Меня не пустили в сад, но я говорил с одним из полицейских. Они считают ее причастной к убийству.

Рикардо прошелся по комнате и остановился напротив Везермилля.

– Выслушайте меня, – сказал он торжественно. – Я видел мисс Целию за полчаса до того, как увидел вас. Она выбежала в сад и бросилась на скамейку. У нее едва не началась истерика. Она проигралась! Это – пункт первый.

Рикардо загнул на руке палец.

– Она бросилась обратно в комнату. Вы просили ее разделить с вами выигрыш. Она с радостью согласилась. Вы проиграли. Это – пункт второй. Немного позже, когда она уходила, вы спросили ее, будет ли она там на следующий вечер... то есть вчера... в тот вечер, когда случилось убийство. Лицо ее омрачилось. Она колебалась. Она сделалась более чем серьезной. В этом можно видеть ясное указание на страх при мысли о том, что она предполагала совершить в следующую ночь. Кроме того, она ответила вам: «Нет, у нас другие планы». Это пункт третий. Неужели после всего этого вы хотите просить меня, чтобы я пригласил Гано?

– Да, непременно! – воскликнул Везермилль.

Рикардо взял шляпу и палку.

– Вы знаете, где остановился Гано? – спросил он.

– Да, – ответил Везермилль и повел Рикардо к простенькому небольшому отелю в центре города.

Оба посетителя были немедленно приглашены в маленькую гостиную, где Гано пил шоколад. В своем утреннем костюме, за завтраком Гано походил на благоденствующего актера. Он встал навстречу гостям и с любезной улыбкой протянул обе руки Рикардо.

– А, дорогой господин Рикардо – сказал он. – Как я рад вас видеть. И вас, господин Везермилль, – продолжал он, пожимая руку молодому изобретателю.

– Так вы помните меня? – спросил польщенный Везермилль.

– Людям моей профессии свойственно запоминать лица людей, – ответил со смехом Гано. – Вы присутствовали на веселом обеде у господина Рикардо.

– Я пришел просить вашей помощи, – начал Везермилль.

В голосе его было ощутимо страшное волнение.

Гано взял стул, стоявший у окна, и предложил его Везермиллю, а затем любезным движением руки указал Рикардо на другой.

– Слушаю, – сказал он серьезно.

– Дело касается убийства госпожи Доврей, – ответил Везермилль.

Гано взглянул на него с удивлением.

– Почему, собственно, – спросил он, – вы интересуетесь убийством госпожи Доврей?

– Ее компаньонка, – ответил Везермилль, – молодая англичанка, – моя большая приятельница.

Лицо Гано сделалось суровым, и в глазах его засверкали искорки гнева.

– Чего же вы хотите от меня? – спросил он холодно.

– Вы теперь свободны, мистер Гано. Я хочу, нет, я умоляю вас, – со страстной мольбой воскликнул Везермилль, – взять на себя это дело.

Гано откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Он не спускал глаз с Везермилля, но в них не было больше гнева. Гано смотрел с сожалением. Вдруг он протянул свой указательный палец и спросил:

– В бумажнике внутреннего кармана вашего сюртука есть, наверно, фотография девушки?

Везермилль покраснел и, вынув из бумажника портрет, передал его Гано. Последний несколько минут внимательно рассматривал его.

– Он снят недавно? – спросил он.

– Да, для меня, – ответил Везермилль.

– И очень похож?

– Да.

– Как давно знакомы вы с мисс Целией?

Везермилль с недоверием взглянул на Гано.

– Всего две недели.

Гано приподнял брови.

– Вы встретились с нею здесь?

– Да.

– В игорном доме, вероятно? Или в доме кого-нибудь из ваших друзей?

– Совершенно верно, – ответил Везермилль. – Один из моих приятелей, встречавшийся с нею в Париже, представил меня ей по моей просьбе.

Гано передал портрет обратно и придвинулся ближе к Везермиллю. Выражение его лица смягчилось, тон был полон уважения.

– Я слышал кое-что о вас. Наш друг Рикардо рассказал мне вашу историю. Я расспросил его о вас, когда увидел вас на обеде. Вы не романтик, но кто из нас застрахован от обаяния женской красоты? Я знал женщин, за чистоту души которых я готов был бы поручиться, а между тем они являлись участницами зверских преступлений. Я видел, какими циничными и отвратительными становились они в момент произнесения приговора.

– Нисколько не сомневаюсь в этом, – с полным спокойствием ответил Везермилль. – Но Целия Гарланд не принадлежит к числу таких женщин.

– Я и не говорю, что она принадлежит к ним, – продолжал Гано. – Но полиция уже просила меня принять участие в этом деле, а я отказался. Я ответил им, что в данный момент я – добродушный буржуа, наслаждающийся своим отпуском. Трудно, однако, забыть свою профессию, и я немного побеседовал с ними. Предупреждаю вас, дело это темное.

– Почему темное? – спросил Везермилль.

– Сейчас скажу, – ответил Гано, еще ближе придвигаясь к молодому человеку. – Вы поймете это сами. Сообщница находилась в доме. Кто-то впустил убийцу. Нет никаких признаков, указывающих на то, что туда вошли насильно. Ни один замок не был открыт отмычкой, на филенках не видно следов пальцев, ни один засов не взломан. В доме была сообщница.

Везермилль кивнул головой. Рикардо подвинулся ближе к разговаривающим. Но Гано в эту минуту не интересовался им.

– Теперь посмотрим, кто жил у госпожи Доврей. Список будет невелик. Госпожа Доврей имела обыкновение завтракать и обедать в ресторанах, и прислуга, жившая у нее, готовила ей только кофе утром и «сахарную воду» на ночь. Перечислим остальных. Во-первых, шофер Генри Серветац. В ту ночь его не было дома. Он вернулся рано утром.

– Ага! – многозначительно воскликнул Рикардо.

Везермилль даже не шевельнулся. Он продолжал неподвижно сидеть со смертельно бледным лицом.

– Погодите, – сказал Гано, – Серветац был в Шамбери, где живут его родители. Он уехал вчера двухчасовым поездом, а вечером был с ними в кафе. Сегодня утром его застали еще в постели. Я считаю возможным, что и Серветац принимал участие в преступлении. Мы это проверим впоследствии. Ясно во всяком случае, что не он открывал двери убийце, так как вечером был еще в Шамбери, а о преступлении стало известно в полночь.

Во-вторых, поденщица, жительница Экс-ле-Бэна; она являлась каждое утро в семь часов, а уходила в семь или восемь вечера. Иногда она оставалась дольше, но в тот вечер ушла до девяти часов (это доказано), а убийство было совершено позже. Остается, таким образом, Елена Вокье и, – он пожал плечами, – мадемуазель Целия.

Гано закурил сигару.

– Поговорим прежде о Елене Вокье. Сорок лет от роду, крестьянка из Нормандии, несколько корыстолюбивая, но честная и почтенная женщина. Поступила в услужение к госпоже Доврей лет семь тому назад. Она была ей скорее другом, чем прислугой. Заметьте это, господин Везермилль! Сколько случаев ей представлялось в течение этих семи лет принять участие в совершении такого преступления. Ее нашли связанной и одурманенной хлороформом. Остается мисс Целия. О ней ничего не известно. Вы сами ничего не знаете о ней. Она приехала в Экс-де-Бэн в качестве компаньонки госпожи Доврей... Молодая и красивая англичанка. Как она стала компаньонкой госпожи Доврей?

Везермилль беспокойно ерзал на стуле. Лицо его горело.

– Не знаю, – ответил он с некоторым смущением; казалось, он стыдится этого смущения, но, когда он продолжил, голос его звучал уже твердо: – Вот что я вам скажу, господин Гано! Вы говорили о женщинах, которые были на вид так невинны и оказались виновными. Но вам, конечно, известны также женщины и девушки, которые остаются незапятнанными и непорочными среди самой ужасающей обстановки.

Гано выслушал его, но не высказал ни подтверждения, ни отрицания. Он взял второй лист бумаги.

– Я сообщу вам кое-что о госпоже Доврей, – сказал он. – Вернемся к тому времени, когда она лет семнадцать тому назад вышла замуж за богатого фабриканта в Нанси, с которым встретила в Париже. Муж ее умер семь лет тому назад, оставив ее очень богатой вдовой. Она питала страсть к драгоценным камням, которыми теперь не может уже наслаждаться. Она собрала целую коллекцию. Драгоценное ожерелье, известный драгоценный камень... она не

могла успокоиться, пока не приобретала их. У нее в драгоценных камнях целое состояние... и колоссальное состояние! Она любила прихвастнуть своими драгоценностями и выставляла их напоказ и здесь, и в Монте-Карло, и в Париже. В сущности же она была очень добродушной и впечатлительной женщиной. Кроме того, она, как большинство людей ее класса, была до безумия суеверна.

Рикардо вздрогнул. Суеверна! Слово это пролило внезапный свет среди окружавшей его тьмы. Теперь он понял, что так смущало его последние два дня. Он вспомнил, где и когда видел Целию Гарланд, и понял, почему она сразу показалась ему знакомой.

– Прекрасно! – продолжил Гано. – Представим себе госпожу Доврей такой, какой она была богатой, тщеславной, легко увлекающейся, великодушной и до безумия суеверной – и перед нами объект, благоприятный для совершения какого угодно преступления. Сотни раз давала она возможность дурачить себя. Она как бы сама делала вызов каждому преступнику: прийти и ограбить ее. Семь лет подряд стояла у нее за спиной Елена Вокье, устраняя всякие беспокойства. Вдруг появляется ваша молодая приятельница, и вот госпожа Доврей убита и ограблена.

Везермилль закрыл глаза под влиянием душевной муки, и лицо его еще сильнее побледнело.

– Предположите, что Целия была одной из жертв, – воскликнул он.

Гано бросил на него сострадательный взгляд.

– Мы это увидим, быть может, – сказал он. – Я вот что хочу сказать. Мисс Целия могла участвовать в преступлении, совершенном в «Розовом павильоне», лишь постольку, поскольку дело касалось грабежа. Она узнала, быть может, слишком поздно, что грабеж должен осложниться убийством.

Картина, возникшая вдруг перед глазами Рикардо, становилась все ярче и яснее. Он вздрогнул, когда услышал, как Везермилль сказал твердым голосом:

– Мой приятель Рикардо может нечто прибавить к тому, что вы сказали.

– Я – воскликнул Рикардо.

Как мог догадаться Везермилль о том, что так ясно представилось ему?

– Да. Вы видели Целию Гарланд вечером до совершения убийства.

Рикардо с удивлением взглянул на своего приятеля. Ему казалось, что Гарри Везермилль совсем потерял рассудок. Ведь своим рассказом он подтвердит фактами подозрения полиции...

– За сутки до совершения убийства, – продолжал спокойно Везермилль, – Целия Гарланд проигралась в баккара. Рикардо видел ее в саду позади павильона, она была в истерическом состоянии. Позже в тот же вечер он видел ее со мной и слышал, что она сказала. Я просил ее прийти туда же на следующий вечер. Лицо ее изменилось, и она сказала: «Нет, у нас другие планы на завтра. Но послезавтра я буду ждать вас».

Гано подпрыгнул на своем стуле.

– И вы сообщаете мне это? – воскликнул он.

– Да, – сказал Везермилль. – Вы были так любезны и сказали, что я не романтик. Да, это верно. Я всегда смотрю в лицо фактам.

Гано несколько минут не спускал глаз со своего собеседника. Затем с почтительным видом склонился перед ним.

– Вы выиграли, – сказал он. – Я беру на себя это дело. – Но, – лицо его снова сделалось суровым, и он ударил кулаком по столу, – я доведу это дело до конца, будь его обстоятельства для вас хуже смерти.

– Только этого я и хочу, – ответил Везермилль.

Гано пошел к телефону и вскоре вернулся обратно.

– Мы начнем с самого начала, – сказал он. – Перрише, жандарм, открывший это преступление, будет сейчас здесь. Мы отправимся с ним на виллу, а по дороге он подробно расскажет, что он открыл и как. Затем мы осмотрим все помещение. За исключением того, что тело госпожи Доврей перенесено из гостиной в ее спальню и окна открыты настежь, все в доме осталось по-прежнему.

– Можем мы сопровождать вас? – спросил Гарри Везермилль.

– Да, но с одним условием: вы не должны задавать никаких вопросов и отвечать только тогда, когда я вас спрошу. Слушайте, наблюдайте, изучайте, но не прерывайте.

Вид Гано теперь изменился. Он оживился, во всех его движениях проглядывала уверенность в себе. Обратившись к Рикардо, он спросил:

– Готовы вы подтвердить под присягой то, что видели и слышали в саду? Это очень важно.

– Да, – ответил Рикардо.

Но он промолчал о той картине из своих воспоминаний, которая так ясно и внезапно воскресла перед ним и казалась ему весьма важной.

Концертный зал в Лемингтоне. Многочисленная публика, преимущественно дамы. Эстрада в конце зала и на ней – черная палатка. Какой-то господин, напоминающий своей выправкой военного, ведет прелестную девушку с чудными волосами, в черном бархатном платье с длинным шлейфом. Она движется как во сне. Полдюжины человек из собравшейся публики входят на эстраду, тесьмой связывают девушке руки за спиной и кладут печати на тесьму. Затем ее отводят в палатку и на глазах у зрителей привязывают к скамье. Дверь палатки закрывают; люди, привязывавшие девушку, спускаются с эстрады в зал, и свет гаснет. Зрители находятся в напряженном состоянии, как вдруг среди тишины и мрака на эстраде раздаются звуки тамбурина. Удары и стук разносятся по всему залу, а в том месте, где находится дверь палатки, появляется беловатое туманное пятно, которое постепенно увеличивается и принимает очертания женской фигуры.

Мало-помалу ясно выделяется темное лицо восточного типа, и низкий голос рассказывает нараспев о Ниле и Антонии. Затем видение исчезает и снова слышны тамбурины и цимбалы. В зале становится светло, дверь палатки открывается; девушка в черном бархатном платье по-прежнему привязана к скамейке.

Это был спиритический сеанс, на котором Рикардо присутствовал года два тому назад. Молодая девушка с прекрасными волосами, в черном бархатном платье, медиум, это была Целия Гарланд.

Такова та картина, которая представилась Рикардо и заставила его прийти к ужасному заключению после рассказа Гано о госпоже Доврей. «Легко увлекающаяся, великодушная и до безумия суеверная, объект, благоприятный для совершения какого угодно преступления». – Таковы ведь были слова Гано.

Рикардо взглянул на Везермилля, думая о том, сказать или нет то, что ему известно о Целии Гарланд. Но он не успел еще решить, что делать, как кто-то постучал в дверь.

– Это Перрише, – сказал Гано, надевая шляпу. – Идем в «Розовый павильон».

Глава 3

Перрише был молодой толстенький человек с румяным красивым лицом и такими светлыми волосами, и усами, что они казались серебряными. Он вошел в комнату с чрезвычайно важным видом.

– Ага! – сказал Гано с лукавой улыбкой. – Вы поздно легли спать прошлой ночью, мой друг. А между тем вы встали достаточно рано, чтобы прочесть газеты. Так вот, я имею честь быть вашим товарищем по ведению этого дела.

Перрише покраснел и в замешательстве стал мять свою фуражку.

– Вы изволите смеяться надо мною, – сказал он. – Ведь не сам я назвал себя способным малым. Что ж! Я не отрицаю, что мне это приятно.

Гано похлопал его по плечу.

– Можете себя поздравить! Идем же!

Все четверо спустились с лестницы. Пока они шли к «Розовому павильону», Перрише подробно рассказал, что случилось в эту ночь.

– Я проходил мимо ворот виллы в половине десятого, – рассказывал он. – Ворота были заперты. За стеной виднелся яркий свет в комнате второго этажа. Нижнего ряда окон я не мог видеть. Через час я возвращался обратно и, вновь проходя мимо виллы, заметил, что света на втором этаже больше нет, а ворота открыты. Я вошел в сад и направился по аллее, проходящей мимо главного входа. Последний находится не с той стороны виллы, которая выходит на улицу, а с противоположной. Когда я вышел на открытое место, где устроен поворот для экипажей, я увидел, что весь дом погружен в темноту. Все окна нижнего этажа с деревянными решетчатыми ставнями были закрыты. Я дернул одну из них – крючки и запоры были в исправности. Окна второго этажа были также закрыты. Нигде никакого света. Я вышел из сада и закрыл за собой ворота. Через несколько минут я услышал бой часов.

Было ровно одиннадцать. Час спустя я снова сделал обход и к великому своему удивлению увидел, что ворота опять открыты. А ведь я оставил их закрытыми, и в доме было темно. Я взглянул на окна вверху и увидел, что в мезонине под крышей горит яркий свет. Час тому назад там было темно. Я остановился и несколько минут смотрел на свет, ожидая, что он погаснет. Но он продолжал гореть. Свет и дважды открытые ворота показались мне подозрительными. Я вошел в сад, по на этот раз с большей осторожностью. Ночь была светлая и, хотя луны не было, я все видел, даже не зажигая фонаря. Когда я проходил мимо главного входа, оказалось, что ставни одного из окон нижнего этажа и само окно, доходившее до земли, раскрыты настежь. Я подошел к окну и направил туда свет своего фонаря. Окно находилось в углублении стены со сводом в виде арки и было занавешено с двух сторон портьерами. Последние были закрыты, и через щелочку между ними я мог видеть только узкую полосу комнаты. Я осторожно вошел туда, стараясь не оставлять следов на траве перед окном. При свете фонаря я увидел на полу опрокинутый стул, а с правой стороны, под одним из трех окон, лежащую женщину. Это была госпожа Доврей. Она была в платье. Туфли ее были запачканы грязью, точно она гуляла после дождя. Вы помните, вероятно, что между шестью и восемью часами вечера шел дождь.

– Да, – сказал Гано, кивая головой в знак согласия.

– Она была мертва. Лицо ужасно распухло и почернело, а вокруг шеи – веревка, до того стянутая, что я не сразу заметил ее. Я отправился к телефону в передней и дал знать о случившемся полиции. Затем я осторожно поднялся наверх, осматривая по дороге двери. Я не входил ни в одну, пока не добрался до комнаты под крышей, где горел свет. Я нашел там Елену Вокье; она лежала в постели и страшно храпела.

Разговаривая, они дошли до угла улицы и завернули за него. В нескольких шагах, у ворот, охраняемых жандармом, стояла группа людей.

– Вот мы и у виллы, – сказал Гано.

Они увидели, что из окна второго этажа смотрит на них человек, который тотчас же скрылся.

– Это Бенар, полицейский комиссар Экс-ле-Бэна, – сказал Перрише.

– А окно, из которого он смотрел, – спросил Гано, – должно быть окно той комнаты, где вы видели свет в половине десятого, когда делали первый обход?

– Да, – ответил Перрише. – Так оно и есть.

Они остановились у ворот. Перрише сказал несколько слов жандарму, который немедленно открыл им ворота, и все четверо вошли в сад.

Глава 4

Аллея, обсаженная высокими деревьями и кустарниками, вела прямо к задней стороне дома. Навстречу вышел маленький, чистенький, похожий на военного человек с остроконечной бородкой и худощавым лицом. Это был Луи Бенар, полицейский комиссар.

– Наконец-то вы согласились помочь нам, – сказал он, протягивая Гано руки. С нашей стороны вы не встретите ничего, кроме желания подчиняться вашим указаниям. Все мы страстно хотим найти убийцу. Бог мой, какое преступление! И замешана в нем такая молодая девушка! А, впрочем...

– Вы, следовательно, твердо убеждены в этом? – резко спросил его Гано.

Комиссар пожал плечами.

– Сами увидите, в чем тут дело, – ответил он.

С левой стороны виллы, на полдороге между нею и воротами, шла другая аллея для экипажей. У самого начала ее стоял молодой, крепкого сложения человек в черных туфлях.

– Шофер? – спросил Гано. – Я хочу поговорить с ним.

Комиссар подозвал шофера.

– Серветац, – сказал он, – вы должны отвечать на все вопросы, которые этот господин задаст вам.

– Само собой, господин комиссар, – ответил шофер. Он держал себя сдержанно, но отвечал охотно, причем на лице его не видно было ни малейшего страха.

– Как долго служили вы у госпожи Доврей? – спросил Гано.

– Четыре месяца. Я привез ее в Экс-ле-Бэн прямо из Парижа.

– А так как родители ваши живут в Шамбери, то вы пожелали воспользоваться этим случаем и провести там один день?

– Да.

– Когда вы просили отпуск?

– В субботу.

– Вы просили, чтобы вас отпустили во вторник?

– О, нет! Я просил отпустить меня тогда, когда будет удобно госпоже Доврей.

– Так, – сказал Гано. – Когда же госпожа Доврей сказала вам, что вы можете поехать во вторник?

Серветац колебался; на лице его выразилось смущение, и он ответил уклончиво.

– Уйти во вторник мне разрешила не госпожа Доврей.

– Не госпожа Доврей! Кто же в таком случае? – спросил Гано.

Серветац взглянул по очереди на серьезные лица стоявших перед ним людей.

– Барышня Целия сказала мне это.

– О... – протянул Гано. – Барышня Целия! Когда же она сказала вам?

– В понедельник утром. Я чистил машину. Она подошла к сарайчику с букетом цветов, которые только что срезала в саду, и сказала: «Я была права, Альфонс. У госпожи Доврей доброе сердце. Вы можете ехать завтра поездом, который уходит в час пятьдесят две минуты и приходит в Шамбери в два часа девять минут».

Гано удивился.

– Так и сказала? – Он поднял палец и сказал серьезно. – Будьте осторожны, Серветац!

– Так она и сказала.

– «Я была права, Альфонс. У госпожи Доврей доброе сердце»?

– Да.

– А говорила она с вами раньше, до вашей поездки в Шамбери? – спросил Гано, не спуская пристального взгляда с шофера.

Лицо Серветаца становилось все более и более растерянным. Гано внезапно повысил голос.

– Вы колеблетесь? Говорите правду, Серветац.

– Я все время говорю правду, – ответил шофер. – Это верно, я колеблюсь... Сегодня утром я столько наслушался от людей... Я не знаю, что думать. Барышня Целия всегда была так добра и внимательна ко мне... Но... – он с отчаянием решимости продолжил, – она сама сказала мне в субботу, чтобы я отпросился на день в Шамбери.

Слова эти привели в ужас Рикардо. Он с сожалением взглянул на Везермилля. Но последний составил, по-видимому, свое собственное мнение. Он стоял, устремив мрачный взгляд на шофера и наклонившись в его сторону. Бенар также составил свое мнение. Он то и дело пожимал плечами. Гано сделал шаг вперед и ласково положил руку на плечо шофера.

– Друг мой! – сказал он. – Расскажите нам все по порядку, как это случилось.

– Барышня Целия, – сказал Серветац, и в голосе его слышалось неподдельное чувство огорчения, – пришла ко мне в сарайчик утром в субботу и приказала подать машину после полудня. Затем она поговорила со мной немного, как это часто делала. Она сказала, что слышала от кого-то, будто мои родители живут в Шамбери, а потому я, вероятно, не прочь, чтобы меня отпустили к ним. С моей стороны будет нехорошо не повидаться с ними.

– Это все?

– Все.

– Прекрасно, – сказал Гано, к которому вернулись его обычный веселый тон и живость движений. – Идем в сарай!

Все последовали за ним к сараю, двери которого были открыты.

– Двери были найдены открытыми?

– Да.

Гано кивнул головой.

– Куда вы спрятали ключ во вторник? – спросил он.

– Я отдал его Елене Вокье, заперев сначала сарай, а она повесила его на гвоздик в кухне.

– Понятно, – сказал Гано. – Всякий мог, следовательно, взять его ночью?

– Да, если только знал, где его искать.

Сзади сарая, у кирпичной стены, стояло несколько канистр с бензином.

– Без вас расходовали бензин? – спросил Гано. – Туда наливается обычно гораздо больше...

– О, да! Когда я уезжал, в машине оставалось очень мало.

Гано обратился к комиссару.

– У вас есть, конечно, номер и приметы автомобиля? Надо дать объявление. Его видели, вероятно, он должен быть где-нибудь.

Комиссар ответил, что приметы уже опубликованы, и Гано, кивнув головой в знак одобрения, занялся осмотром грунта. Перед сарайчиком находился небольшой вымощенный камнем двор, но нигде не было видно никаких следов.

– А между тем гравий был сырой, – сказал Гано, качая головой. – Тот, кто управлял машиной, был очень осторожен.

Он пошел дальше, не спуская глаз с земли, нагнувшись прямо к траве, росшей между гравием и кустами.

– Смотрите, – сказал он Везермиллю, – здесь чья-то нога примяла траву, но слегка. Кто-то бежал на цыпочках по этому краю. Да, этот кто-то был очень осторожен.

Все снова направились по главной аллее и, пройдя несколько шагов, очутились на открытом месте напротив виллы. Она представляла собой небольшой, точно игрушечный домик, перед которым находилась зеленая лужайка с клумбами для цветов. Выстроен он был из желтого камня и имел почти квадратную форму. Красиво украшенные колонны стояли по бокам

дверей, а над остроконечной крышей высился позолоченный флюгер. Рикардо не верилось, что в этих стенах в течение последних двенадцати часов разыгралась такая мрачная трагедия. Все так весело сияло при солнечном свете. Некоторые из окон были закрыты зелеными ставнями, другие же были открыты, чтобы дать в комнаты доступ воздуху и свету. С каждой стороны входной двери находилось по окну, они освещали большую переднюю; кроме них были еще окна с каждой стороны, затем стеклянные двери, которые вели в комнаты задней части дома. Налево от входа была столовая, за которой находилась кухня; направо – гостиная, в которой совершилось убийство. От стеклянной двери этой комнаты шла дорожка, поросшая когда-то травой и тянувшаяся вплоть до аллеи, усыпанной гравием. От постоянной ходьбы по ней трава вытопталась, и на ней местами проглядывала черная грязь. Дорожка была в три фута ширины. Подходя к ней, посетители увидели еще издали, что после дождя она вся истоптана.

– Прежде всего обойдем вокруг дома, – сказал Гано, – к той стороне, которая выходит на дорогу.

Здесь было четыре окна, прямо над его головой; три из них освещали гостиную, а четвертое – маленький кабинет. Под окнами не было видно никаких следов; тщательным осмотром было установлено, что все пользовались исключительно входом через стеклянную дверь гостиной, против аллеи для экипажей. Туда они и вернулись. Зато здесь на земле они увидели следы трех пар ног. Один из этих следов поворачивал от аллеи к двери и не пересекал других.

– Это, – сказал Гано, – следы моегомышленого друга Перрише, который старался ничего не испортить.

Розовое лицо Перрише просияло, а Бенар кивнул ему со снисходительным одобрением.

– Я желал бы, господин комиссар, – сказал Гано, указывая на следы, – чтобы все ваши служащие были бы так же мыслены. – Взгляните сюда! Эти вот следы, которые идут от стеклянной двери к аллее, могли бы быть очень полезны нам, а по ним, между тем, точно борону провезли.

Бенар вытянулся во весь рост.

– Ни один из моих служащих не входил в комнату через эту дверь. Даны были самые точные указания, и им повиновались. Каковы следы сейчас, таковы они были и в двенадцать ночи.

Гано задумался.

– Вот как! сказал он, наклоняясь, чтобы лучше видеть второй ряд следов, который шел с правой стороны двери. – Женщина и мужчина, – сказал он. Скорее намек на следы, чем следы. Можно подумать... – Он выпрямился, не кончив начатой им фразы, а затем повернулся к третьему ряду следов. – Ага! Здесь есть нечто более интересное, – сказал он. В этом месте находилось три отпечатка, и шли они от середины стеклянной двери к аллее. Были ясно видны следы маленькой женской ножки в туфлях с высоким каблуком. Положение следов было довольно странным. Первый из них находился на добрый ярд от двери; это был отпечаток правой ноги, и подошва туфли была видна яснее, чем каблук. Второй, отпечаток левой ноги, был не так далеко от первого, как первый от двери, и здесь каблук был менее ясно виден. Но была некоторая разница, след носка острый на первом, здесь был шире. Почти рядом с ним виднелся снова след правой ноги, только узкий каблук был здесь яснее, чем ступня. Он, видимо, погрузился на целый дюйм в землю.

Гано внимательно изучил эти следы и затем обратился к комиссару.

– Нет ли в доме каких-нибудь туфель, которые можно было бы приложить к этим следам?

– Да, есть. Мы примеряли уже все женские туфли Целии Гарланд, прислуги и даже госпожи Доврей. Подошли только те, которые были взяты из комнаты Целии Гарланд. – Он дал указание полицейскому, стоящему рядом, и тот немедленно принес из передней пару серых туфель. – Видите, господин Гано, какая маленькая ножка оставила эти следы, – сказал он, улыбаясь. – Ножка изящная и с красивым изгибом. У госпожи Доврей ступня короткая и широкая,

у прислуги также широкая и плоская. Ни госпожа Доврей, ни Елена Вокье никогда не надевали таких туфель. Видите, они почти совсем новые. Надевали их всего только раз, не более, и они поразительно подходят к этим следам; носок только немного отличается от второго следа.

Гано взял туфли и, встав на колени, приложил к следам на земле. Рикардо смотрел и удивлялся, с какой точностью они совпали с очертаниями следов.

– Я думаю, – сказал комиссар, – что Целия Гарланд уехала в другой паре новых туфель, сделанных по той же колодке.

«А эти, – думал Рикардо, – она беспечно бросила на полу своей комнаты, где они неминуемо должны были попасться на глаза первому вошедшему туда человеку. Можно подумать, что девушка, уходя, сделала все возможное, чтобы возвести на себя всю тяжесть обвинения. А это невнимание к мелким подробностям, пустячным, как будто, в момент преступления, более тяжким – на следующий день, и дало повод искать виновного в доме».

Гано поднялся с колен и передал туфли полицейскому. Он вынул сантиметр из кармана и измерил расстояние между стеклянной дверью и первым следом, затем – между первым следом и следующими двумя.

– Какого роста Целия Гарланд? – спросил он, обращаясь к Везермиллю.

Рикардо подумал, что самая странная черта этого странного дела заключается в том, что сыщик вполне доверчиво обращается за сведениями, которые могут привести Целию Гарланд к подножию гильотины, к тому именно человеку, счастье которого зависит от оправдания этой девушки.

– Пять футов, семь дюймов, – ответил тот.

Гано спрятал в карман свой сантиметр. Когда он обратился к Везермиллю, лицо его было серьезно.

– Я предупреждал вас, не правда ли? – спросил он.

Бледное лицо Везермилля исказилось.

– Да, – сказал он. – Я ничего не боюсь.

Несмотря на эти слова, в голосе его слышалась тревога, какой не было заметно раньше. Гано торжественным жестом указал на землю.

– Читайте по этим следам, что произошло. Молодая девушка такого же роста, как Целия, в таких же новых туфлях, как у Целии, прыгает из этой комнаты, где совершено убийство, и бежит. На ней длинное платье. На втором шагу нога ее запутывается в шлейфе платья. Она спотыкается. Чтобы удержаться от падения, она приподымает другую ногу и упирается каблучком в землю. Ей удается удержать равновесие. Она идет по аллее. Гравий там, правда, твердый, и на нем не остаются следы, но вы видите, что грязь, приставшая к туфлям, кое-где отвалилась от них. Она садится в машину с мужчиной и другой женщиной и уезжает между одиннадцатью и двенадцатью часами.

– Между одиннадцатью и двенадцатью? Это верно? – спросил Бенар.

– Разумеется, – ответил Гано. – Ворота были открыты в одиннадцать, и Перрише закрыл их. Он вновь нашел их открытыми в двенадцать. Убийцы во всяком случае не уехали до двенадцати. Зачем бы иначе открывать ворота в полночь?

Бенар кивнул в знак согласия. В глазах Перрише отразился неподдельный ужас; он сделал шаг вперед и воскликнул:

– Так значит, когда я в первый раз закрыл ворота и вошел в сад, потом направился к дому, они были здесь... в этой комнате? О, Боже мой!

Он уставился на окно, широко открыв рот.

– Боюсь, друг мой, что это так, – сказал Гано.

– Но ведь я стучал по деревянной двери, а они были в доме... в темноте, не более, как в трех ярдах от меня.

Он стоял совсем удрученный.

– Это мы увидим, – сказал Гано.

Он пошел по следам Перрише прямо к порогу комнаты, осмотрел зимние деревянные двери, которые открывались наружу, и стеклянные, которые открывались внутрь комнаты, а затем вынул из своего кармана увеличительное стекло.

– Смотрите, – сказал он, подзывая к себе Бенара и указывая на деревянные двери. – Видите... перчатки.

Он склонился над порогом, где видны были следы.

– Резиновые галоши, – сказал он, входя в дверь.

За ним последовали все остальные.

Они вошли в небольшую нишу, которая была обита окрашенными в белую краску фанерками с резными фестонами цветов. Ниша кончалась аркой, которая поддерживалась двумя красивыми колонками и закрывалась портьерами из красной шелковой материи. Гано осторожно раздвинул их: через отверстие между ними открылся вид в комнату. Все вошли туда вслед за Гано.

Глава 5

Дрожа от волнения, раздвинул Рикардо портьеры и очутился в небольшой продолговатой комнате, изящно мебелированной. С левой стороны, почти у самой ниши, находился небольшой камин, на решетке которого до сих пор еще лежала зола. Перед камином, в одном-двух футах от стены, стояла длинная кушетка, обитая розовой материей, с двумя смятыми подушками на каждом конце, а за кушеткой виднелась дверь, выходящая в переднюю. В самом конце находилось длинное зеркало, укрепленное в стене, а под ним письменный стол. С правой стороны от Рикардо шли три окна. Под окнами стоял круглый лакированный стол с тремя стульями, один из них был опрокинут. Рикардо с трудом верилось, что он стоит на том самом месте, где всего каких-нибудь двенадцать часов тому назад разыгралась жестокая и зловещая трагедия. Здесь не было ни малейшего беспорядка. Из трех окон, находившихся справа, лился солнечный свет и виднелись цветы и деревья; позади него находилась стеклянная дверь, выходящая на лужайку, где весело щебетали птички и шептались о лете деревья. Рикардо прислонился к стене. Как ни всматривался он в белую обстановку в стиле Людовика XVI, в белые филенчатые стены и розовые портьеры, причем от взора его не ускользнули даже украшения на потолке, – он не нашел ничего, бросающегося в глаза, кроме опрокинутого стула и пары смятых подушек на кушетке.

Однако Гано был необыкновенно деятелен. Он тщательно осмотрел кушетку и смятые подушки, вынул сантиметр и измерил расстояние между подушками. Осмотрел стол и измерил расстояние между стульями. Подошел к камину и порылся в золе. Рикардо заметил при этом странную вещь: глаза Гано во время осмотра то и дело обращались к кушетке и притом с выражением такого недоумения, как будто он увидел здесь что-то, чего никак не мог себе уяснить. В конце концов он снова вернулся к кушетке, отодвинул ее от стены и вдруг, слегка вскрикнув, наклонился и затем встал на колени. Когда он поднялся, в руках у него оказались клочки бумаги. Он подошел к письменному столу и открыл записную книжку, один из листов был наполовину оторван. Он сравнил клочки бумаги, которые держал в руке, с оборванным листом и, видимо, остался доволен. На столе стоял ящичек для бумаги; Гано вынул оттуда листик картона.

– Дайте мне скорее клей, – сказал он. Голос его сделался резким; об изысканной вежливости не было и помину.

Он положил на круглый столик клочки бумаги и листик картона и, сев у стола, с необыкновенным терпением принялся наклеивать клочки бумаги на картон, прикладывая их друг к другу, как это делают с китайскими головоломками. Все стояли позади него и видели, как постепенно составила целая фраза. Гано повернулся и сказал Везермиллю:

– У вас, несомненно, есть какое-нибудь письмо, написанное Целией?

Везермилль вынул бумажник из кармана, достал оттуда письмо и подал Гано, который начал сравнивать его с почерком на картоне.

– Смотрите! – сказал он наконец, и все трое тотчас же склонились к нему.

На склеенных клочках бумаги была написана фраза: «Я не знаю».

– «Я не знаю», – повторил Рикардо, – это очень важно.

Рядом со склеенными клочками лежало письмо Целии к Везермиллю.

– Что вы думаете об этом? – спросил Гано.

– Большое сходство, – сдержанно сказал Бенар.

Рикардо всегда относился с недоверием ко всему таинственному. Сходство это казалось ему недостаточным, в нем, по его мнению, чего-то не хватало.

– Все это написано одной и той же рукой, – сказал он наконец. – Но дело в том, что почерк записки на картоне тщательно старались изменить.

– Да, здесь есть разница, – сказал Гано. – Взгляните, как длинен вверху взмах пера на этом «я», какой он дрожащий. А теперь вот это «з». Как наклонилось оно в сторону, точно рука дрогнула от волнения. Здесь также, – он притронулся к письму, грустно улыбаясь, – здесь волнение неминуемо должно было подействовать на перо. – Он взглянул на Везермилля и спокойно сказал ему: – Вы не изложили нам ваше мнение, а между тем оно может иметь решающее значение. Одной и той же рукой написано все это? – Не знаю, – ответил Везермилль.

– И я тоже, – воскликнул Гано с внезапным раздражением, – не знаю. Это, может быть, не ее почерк, а тщательно подделанный. Это, может быть, ее почерк, но измененный. Весьма возможно и то, что она писала это впопыхах, не снимая перчаток.

– Это могло быть написано довольно давно, – сказал Рикардо, ободренный успехом своего первого замечания.

– Нет, это единственное, чего не могло быть, – сказал Гано. – Огляните комнату. Где видели вы комнату, которая содержалась бы так чисто, как эта? Найдите мне, если можете, хотя бы пылинку в каком-либо углу! Все чисто, как на блюде. Каждое утро, кроме сегодняшнего, ее подметали и натирали. Бумага была написана и разорвана только вчера. Сказав это, он положил лист картона в конверт и спрятал его в карман. Затем встал и снова подошел к кушетке. Здесь он остановился, держась руками за отворот своего воротника и с выражением серьезной тревоги на лице. Прошло несколько минут полного молчания, и вдруг, не обращая никакого внимания на тех, кто наблюдал за ним, он склонился над кушеткой; медленно, с необыкновенной осторожностью подsunул руки под подушку, лежавшую в головах, и приподнял так, чтобы не изменились ее очертания. Он поднес ее к свету у открытого окна. Верх на подушке был светлый, и на нем при свете солнца видно было маленькое коричневое пятнышко.

Гано вынул из кармана увеличительное стекло и склонился над подушкой. В эту минуту, как ни был он осторожен, складки и углубления исчезли, и шелковая оболочка совсем разгладилась.

– Теперь это неважно, – сказал Гано, пряча стекло в карман.

Он отнес подушку на прежнее место, взял ту, которая лежала в ногах, и в свою очередь поднес к окну. На ней также были вмятины, и в этих местах шелк был испорчен, а в одном месте разорван. Недоумение на лице Гано все более увеличивалось. Он стоял с подушкой в руках, но смотрел не на нее, а в двери на видневшиеся за ними следы. . . следы девушки, которая убежала из этой комнаты, вскочила в машину и уехала. Он покачал головой, отнес подушку обратно и осторожно положил на место. Затем выпрямился, окинул комнату взглядом, как бы желая вырвать тайну, скрытую в ее молчании, и воскликнул:

– В этой комнате, господа, есть нечто, чего я не понимаю.

Рикардо услышал позади себя глубокий вздох и обернулся.

За ним стоял Везермилль. Легкий румянец показался на его щеках, а глаза были пристально устремлены на лицо Гано.

– Что вы имеете в виду? – спросил он, а Гано резко ответил:

– Мое дело заключается не в том, чтобы высказывать свои мнения, а в том, чтобы проверить их.

Слова эти имели один только смысл, в котором не сомневались все, находившиеся в комнате. Гано уклонился от прямого ответа. Что в комнате этой совершилось гнусное преступление, это все понимали. Но она, кроме того, заключала в себе нечто такое, что волновало Гано и возводило в глазах его гнусность преступления на высшую и еще более возмутительную степень.

«Что же это такое?» – спрашивал себя Рикардо.

Он еще раз окинул взором комнату. Ответа он не нашел, зато увидел на стене украшение, которое вытеснило из его головы все вопросы. Украшение, если можно его так назвать, состояло из раскрашенного тамбурина с бантом из ярких лент, привязанных к ободку; он висел на

стене между кушеткой и камином, на высоте человека, стоящего во весь рост. Он представлял собой бросающуюся в глаза пеструю игрушку, которыми такие женщины, как госпожа Доврей, любят украшать свои стены. Но мысли Рикардо сразу перенеслись в концертный зал Лемингтона, и он вспомнил о принадлежностях спиритического сеанса. Он торжествовал, думая о том, что Гано не все заметил. Размышления его были прерваны словами Гано, подтвердившими его уверенность в этом. – Идем наверх, – сказал он. – Осмотрим прежде всего комнату мисс Целии, а затем посетим Елену Вокье.

Все четверо, а с ними вместе и Перрише, вышли через дверь в переднюю и поднялись по лестнице. Комната Целии находилась в юго-западном углу виллы; в ней было очень светло и много воздуха. Одно окно выходило на улицу, а два других, между которыми стоял туалетный стол, смотрели в сад. Дверь сбоку вела в небольшую ванную. Несколько полотенец валялось на полу позади ванны. В спальне на кровати лежали брошенные кое-как темно-серое платье из легкой ткани и юбка; на комод, стоявшем в нише у окна, лежала большая серая шляпа из турецкого шелка, а на стуле – небольшая кучка тонкого полотняного белья и пара смятых серых шелковых чулок, по цвету подходящих к серым шведским туфлям.

– Здесь, в этой комнате, видели вы свет в половине десятого? – спросил Гано, обращаясь к Перрише.

– Да, здесь, – ответил Перрише.

– Из этого следует заключить, что мисс Целия переодевалась в то время.

Всё в комнате отличалось утонченным вкусом и, как казалось Рикардо, благоуханием, как будто молодая девушка внесла в нее отпечаток своего собственного изящного я. Везермилль стоял в дверях и с мрачным лицом наблюдал за поруганием комнаты. Но Гано не испытывал подобных чувств. Он подошел к туалетному столу и один за другим открыл кожаные футляры с украшениями Целии. В одном или двух из них он нашел драгоценные вещицы, остальные были пусты. Один из футляров Гано так долго держал в руке, не закрывая, что Бенар нетерпеливо зашагал по комнате.

– Вы же видите, что он пустой, – сказал он.

Везермилль поспешно вошел в комнату.

– Да, вижу, – сухо ответил Гано.

Это был футляр, предназначавшийся для пары длинных серег – бриллиантовых серег, мерцание которых видел Рикардо в саду.

– Позвольте мне взглянуть, – сказал Везермилль, протягивая руку к футляру. – Да, здесь были серьги Целии Гарланд, – сказал он и вернул футляр.

В первый раз принял он деятельное участие в осмотре. Причина этого была ясна Рикардо. Гарри Везермилль сам подарил эти серьги Целии. Гано поставил футляр на стол и отошел прочь.

– Здесь нечего больше осматривать, – сказал он. – Надеюсь, что никому не позволяли входить в эту комнату?

И он открыл дверь.

– Никому, кроме Елены Вокье, – ответил комиссар.

Везермилль удивился.

Гано снова закрыл двери.

Даже Рикардо возмутился, услышав о такой беспечности.

– Ого, эта девушка! – сказал он. – Так она поправилась?

– Она все еще чувствует себя плохо, – сказал комиссар. – Но я считал необходимым узнать, в каком костюме уехала Целия из дома, а потому незадолго до вашего прихода сам привел сюда Елену Вокье. Она осмотрела гардероб девушки, чтобы установить, чего там недостает.

– Она была одна в комнате?

– Ни одной минуты, – с надменным видом ответил Бенар. – Мы не такие уж невежды и прекрасно понимаем, как надо вести дела подобного рода. Я все время находился в этой комнате и не спускал с нее глаз.

– Это было как раз перед моим приходом, – сказал Гано, с беспечным видом подходя к окну, выходящему на улицу.

Высунувшись из окна, он взглянул на угол улицы, из-за которого он вышел со своими спутниками, когда комиссар смотрел в ту сторону. Затем спокойно отошел от окна.

– Каким ящиком комода Елена Вокье кончила осмотр? – спросил он.

– Вот этим.

Бенар наклонился и выдвинул самый нижний ящик комода, стоявшего у окна. На дне его лежало светлое платье.

– Я сказал ей, чтобы она осматривала поживее, – сказал Бенар, – когда увидел, что вы идете. Она вынула это платье и сказала, что ничего не пропало. Я отвел ее обратно в комнату и оставил с сиделкой.

Гано вынул платье из ящика, встряхнул его у окна, развернул и, взяв подол, поднес к глазам, а затем, поспешно сложив, положил обратно в ящик.

Теперь покажите мне тот ящик, с которого она начала осмотр.

И на этот раз Гано вынул юбку, подошел с нею к окну и так же тщательно осмотрел ее. Кончив осмотр, он передал юбку Рикардо и на минуту или две о чем-то сильно задумался.

Рикардо в свою очередь осмотрел юбку, но ничего необыкновенного не нашел в ней. Это была очень красивая юбка, изящно отделанная гофрированными оборочками и тесемками, но вряд ли это была такая вещь, над которой стоило задумываться. Он с недоумением взглянул на Гано и увидел, что тот наблюдает за ним с веселой улыбкой.

– Когда господин Рикардо окончит свой осмотр, – сказал Гано, – мы отправимся послушать, что нам скажет Елена Вокье.

Он вышел из дверей последним и, заперев комнату на ключ, положил его в карман. – Комната Елены Вокье еще выше, сколько мне помнится, – сказал он, направляясь к лестнице.

В эту минуту какой-то человек в штатском, стоявший все время на площадке, подошел к ним. Он держал в руке кусок тонкой крепкой бечевки.

– А, Дюрет! – воскликнул Бенар. – Господин Гано, сегодня утром я послал Дюрета в Эксле-Бэн в лавки с той веревкой, которой была задушена госпожа Доврей.

Гано поспешил к Дюрету.

– Ну-с! Вы узнали что-нибудь?

– Да, господин Гано, – ответил Дюрет. – В лавку Корвели приходила вчера вечером молодая девушка в темно-сером платье и купила точно такую веревку несколько минут спустя после половины десятого. Лавку собирались уже закрывать. Я показал Корвели фотографию Целии Гарланд, которую дал мне господин комиссар, и он узнал в ней девушку, покупавшую веревку.

Слова Дюрета встречены были полным молчанием. Все остолбенели от удивления. Никто не решался взглянуть на Везермилля, и даже Гано отвернулся в сторону.

– Да, это очень важное показание, – сказал Гано с некоторым замешательством. Он повернул к лестнице и направился в спальню Елены Вокье.

Глава 6

Дверь отворила сиделка. Елена Вокье сидела, откинувшись на спинку стула. Вид у нее был больной, лицо бледное. Когда вошли Гано, комиссар и остальные, она встала со своего места. Рикардо должен был признать справедливость описания Гано.

Перед ним стояла высокая женщина лет тридцати пяти – сорока, крепкого телосложения, в черном платье из английской шерстяной материи, сильная, как и подобает крестьянке, почтенная, с наружностью, внушающей полное доверие. Сразу было видно, что она исполняла обязанности доверенного лица пожилой женщины. На лице ее было выражение неподдельного ужаса.

– О, сударь начала она. – Позвольте мне уйти отсюда... куда-нибудь... Хоть в тюрьму, если желаете. Но оставаться здесь, где я провела столько счастливых лет, где лежит тело моей госпожи. Нет, это невыносимо!

Она опустила на стул. Гано подошел к ней.

– Да, да, – сказал он ласково. – Я понимаю ваши чувства. Мы не оставим вас здесь. Нет ли у вас друзей в Экс-ле-Боне, у которых вы могли бы поселиться?

– О да, сударь – воскликнула Елена. – Как я вам благодарна! Подумать только, что я могла остаться здесь на ночь! О, как все это напугало меня!

– Вам незачем так пугаться. Мы ведь не ночные посетители, – сказал Гано, ближе придвинув к ней свой стул и ласково взяв за руку. – А теперь я хотел бы, чтобы вы рассказали этим господам и мне все, что вам известно об этом деле.

– Но, сударь, я ничего не знаю, – воскликнула она. – Мне приказали ложиться спать, как только я помогла барышне Целии одеться для сеанса.

– Для сеанса! – воскликнул Рикардо, перебивая ее.

Перед ним снова ожила картина концертного зала в Лемингтоне.

Гано повернулся к нему и, хотя лицо его сохранило прежнее добродушное выражение, глаза сверкнули так, что вся кровь прилила к лицу Рикардо.

– Вы что-то сказали, господин Рикардо? – спросил он. – Нет? Я так и думал. – И он снова повернулся к Елене Вокье. – Так мисс Целия занималась сеансами? Очень странно. Послушаем, в чем тут дело. Кто знает, какая нить приведет нас к истине!

Елена Вокье покачала головой.

– Сударь, с вашей стороны будет несправедливо добиваться истины от меня. Примите во внимание, что я не могу быть беспристрастной, когда говорю о барышне Целии. Нет, не могу! Я не любила ее. Я ревновала ее... да, ревновала. Сударь, вы хотите знать истину... Я ненавидела ее. – Лицо ее вспыхнуло, и она положила руку на спинку стула. – Да, я ненавидела ее. Разве я могла побороть это чувство? – спросила она.

– Почему нет? – спросил Гано. – Почему вы не могли побороть это чувство?

Елена Вокье откинулась на спинку стула и слабо улыбнулась.

– Выслушайте меня и всё узнаете. Но помните, что с вами говорит женщина, а потому вещи, которые, быть может, покажутся вам пустыми и пошлыми, могут иметь для нее большое значение.

– Это случилось ночью в июне... всего только в июне! Подумать только! Так недавно еще совсем не было этой Целии... – Гано поднял руку, но она поспешила сказать: – Да, да, я намерена беспристрастно говорить о самой себе.

И вслед за этим она приступила к рассказу, который прояснил Рикардо, каким образом такая благовоспитанная на вид девушка, Целия Гарланд, поступила компаньонкой к женщине такого типа, как госпожа Доврей.

– Так вот, ночью в июне, – продолжала Елена Вокье, – моя госпожа отправилась с компанией ужинать в ресторан на Монмартре и впервые привезла домой барышню Целию. Посмотрели бы вы тогда на нее! На ней была жалкая юбка из клетчатой материи и пальто, все порванное... и она была совсем голодная... В эту же ночь, когда я раздевала госпожу Доврей, она рассказала мне, как это произошло. Во время ужина барышня Целия танцевала там между столами со всеми, кто был настолько добр, что соглашался танцевать с нею.

Голос ее, звучавший на всю комнату, был полон презрения. Это была почтенная крепстьянка, откровенно высказывавшая свои чувства. И Везермилль вынужден был слушать ее. Рикардо не смел взглянуть на него.

– И госпожа Доврей привезла ее домой, – продолжала она. – Моя госпожа была так добра и так беспечна. И в награду за доброту она лежит теперь мертвая!

У нее началась истерика... Лицо исказилось, руки судорожно задвигались.

– Полно, полно! – сказал Гано ласково. – Успокойтесь, пожалуйста!

Елена Вокье молчала минуту-две, пока не пришла в себя.

– Простите, сударь, но я так долго прожила со своей госпожой... Бедная женщина! Да, да, я сейчас успокоюсь. Так вот, значит, госпожа моя привезла ее домой, а спустя неделю она просто боготворила барышню Целию. Госпожа Доврей была настоящим ребенком. Ее всегда надували и командовали ею. Осторожности она никогда не могла научиться. Но никому не удавалось так скоро овладеть ее сердцем, как барышне Целии. Барышня всегда должна была жить с нею. Барышню должна была одевать первая модистка в городе. Юбки барышни должны были быть отделаны кружевами, белье из тонкого батиста, длинные белые перчатки и красивые ленты для ее волос и шляпы от Каролины Ребу, в тысячу двести франков. А горничная госпожи Доврей должна была ухаживать за ней и одевать во все эти изящные вещи.

Вокье сидела, выпрямившись на стуле, жестокая, мстительная в своем гневе. Она оглядела всех присутствующих и пожала плечами.

– Я говорила, что вы напрасно пришли ко мне, – сказала она. – Я не могу быть беспристрастной, когда речь идет о барышне. Я, видите ли, много лет была для своей госпожи больше, чем горничной... Я была ее другом. Она говорила со мной обо всем, советовалась со мной во всем, брала меня всюду с собой. И вот она привозит домой в два часа ночи из монмартрского ресторана молодую девушку со свежим хорошеньким личиком, и через неделю я ничто для нее. Да, ничто! А барышня – королева!

– Да, такие чувства естественны с вашей стороны, – сказал Гано сочувственным тоном. – Расскажите же нам откровенно об этих сеансах. Как они начались?

– О, сударь, – ответила Вокье, – их совсем не так трудно было начать. Госпожа Доврей питала необыкновенную страсть ко всяким гадалщицам и шарлатанам. Ко всем, кто приходил с колодой карт и болтал пустяки о какой-то опасной женщине и мужчине, который хромает. Вам, сударь, хорошо известны все эти истории, которые плетут в тускло освещенных комнатах, чтобы надуть легковверных людей... Кто угодно мог воспользоваться суеверием моей госпожи. Ну, да вы, сударь, хорошо знакомы с такими людьми.

– Разумеется, – со смехом ответил Гано.

– Так вот, когда барышня прожила у нас недели три, она сказала мне как-то утром, когда я причесывала ее, что напрасно госпожа Доврей ищет всяких гадалок, тогда как сама она может показать ей самые необыкновенные и поразительные вещи, и если только я пожелаю помочь ей, нам удастся вырвать госпожу Доврей из их рук. Сударь, я не подумала в то время, какую власть даю в руки барышне Целии, не то отказалась бы. Я не желала ссориться с барышней и сразу согласилась, а потом не могла отказаться иначе она могла устранить меня. Скажи я истинную правду госпоже Доврей, она рассердилась бы на меня за то, что я надуваю ее и я потеряла бы место. Поэтому сеансы продолжались.

– Да, – сказал Гано. – Я понимаю, как трудно было ваше положение. Мы, я думаю, – и он повернулся к комиссару, как бы ожидая от него поддержки, – не можем порицать вас за это.

– Разумеется, нет, – сказал комиссар. – Жизнь не так легка.

– Итак, сеансы начались, – сказал Гано, с выражением живейшего интереса обращаясь к Вокье. – Как же они проходили? В чем заключалась ваша помощь? Что делала мисс Целия? Играла на тамбурине в темноте и стучала по столам?

В тоне Гано сквозила ирония.

– О, сударь, главное не в этом, – воскликнула Елена. – Она вызывала духов, и те говорили.

– Неужели? И ее ни разу не поймали? Замечательно ловкая была девушка, эта мисс Целия!

– О, она была поразительно ловка. Иногда мы были одни иногда у нас бывали гости, которых приглашала госпожа Доврей чтобы похвастаться. Она была очень тщеславна, сударь, и очень гордилась, что ее компаньонка может вызывать духов умерших. Но барышню никогда не могли поймать. Она рассказывала мне, что несколько лет тому назад, когда была почти ребенком, она путешествовала по Англии и давала представления.

– Ого! – воскликнул Гано и, повернувшись к Везермиллю спросил его по-английски: – Вы знали об этом?

– Не знал, – ответил тот, – да и теперь не уверен, что это правда.

Гано покачал головой.

– В этом рассказе, мне кажется, нет ничего вымышленного, – сказал он и снова заговорил по-французски с Еленой Вокье. – Продолжайте, пожалуйста!

Барышня надевала черное бархатное платье с длинным шлейфом, которое очень красиво оттеняло ее белые руки и плечи... О, барышня никогда не забывала такие мелочи, – добавила Елена Вокье с необыкновенной горечью. – Затем барышня выплывала в гостиную, волоча за собой бархатный шлейф, и, пройдясь немного по комнате, говорила, что здесь есть какая-то сила, которая действует против нее, садилась в кресло и молчала, а госпожа во все глаза смотрела на нее. Немного погодя барышня заявляла, что таинственные силы начинают благоприятствовать ей и духи появятся сегодня вечером. Ее сажали тогда в кабинет, а веревку прикрепляли к наружной стороне двери, вы понимаете, конечно, что моя обязанность была следить за веревкой, и выключали свет. Иногда мы садились вокруг стола, а руки клали на стол; барышня сидела всегда между мною и госпожой Доврей. В этом случае я сразу выключала свет, а барышня бесшумно уходила из комнаты, на ней были мягкие туфли, которые она надевала, чтобы никто не слышал ее шагов... И начинали трещать тамбурины, притрагиваться пальцы ко лбу и шее, звучать странные голоса изо всех углов комнаты, появляться разные видения... Духи знатных дам прошлых лет начинали разговаривать с госпожой Доврей. Тут были и Кастильони, и Мария Антуанетта, и Медичи... Всех не помню. Затем голоса смолкали, загорался свет, и барышня оказывалась на том же месте и в том же положении, в каком была перед тем, как погас свет, но только в трансе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.